

Лев Бердников

Дерзкая империя

Нравы, одежда и быт Петровской эпохи

Издательство АСТ
Москва

Содержание

По имени Великий Василий Голицын	7	Ревнуя к Петру Великому... Анна Крамер	115
Ментор для русского царя Франц Лефорт	16	Вечно влюбленный Виллим Монс	124
Венценосный брадобрей Петр I	29	Блеск и нищета двора Петра Второго Петр II	137
Предезкое щегольство	36	Вертопрах, любовью исправленный Иван Долгоруков	147
Несостоявшаяся царица Анна Монс	49	Свадьбы пели и плясали Анна Иоанновна как автор и исполнитель	158
Российский боярд Борис Шереметев	58	Неистовый ревнитель славы Бурхард Христофор Миних	171
Метаморфозы стольника Петр Толстой	66	«Обязан женщинам» Рейнгольд Густав Левенвольде	183
Сиятельный казнокрад, или Цена щегольства. Матвей Гагарин	71	Наказанная добродетель Анна Леопольдовна	190
«Не скорбя о суете мира сего» Александр Меншиков	79	Самодержавная модница Императрица Елизавета	211
Первый российский полицмейстер Антон Дивьер	87	Дерзость Алексея Ржевского	219
«Роскошна во всем пространстве сего названия...» Екатерина I	98	Соперница монархини Наталья Лопухина	226
Казнь фрейлины, или Урок анатомии. Мария Гамильтон	108		

Мимолетные фавориты.....	235	Человек утонченно-безнравственный Андрей Разумовский	304
Обойденный наградой Платон Мусин-Пушкин	247	Бриллиантовый князь Александр Куракин	314
«Счастье во сне пришло» Никита Бекетов	256	Тирания моды. Павел I	324
Русский Помпадур Иван Шувалов	263	Щеголь Павловских времен Иван Брызгалов	330
«Создала славу русских» Екатерина II	271	Галстук от Горголи. Михаил Магницкий. Иван Горголи	338
Демон интриги Сергей Салтыков	279	Петиметр говорящий и читающий.....	347
Из щеголей — в меценаты Семен Нарышкин	289	<i>Библиография</i>	370

По имени Великий

Василий Голицын

В 1721 году императору Петру Алексеевичу был присвоен титул «Великий». В истории российской это было не ново — за 35 лет до Петра так называли «царственные большия печати и государственных великих польских дел обергегателя, ближнего боярина и наместника новгородского» князя Василия Васильевича Голицына (1643–1714).

Сподвижники и апологеты Петра тщились сделать все, чтобы имя этого харизматического деятеля, первого министра при ненавистой царю сестре-регентше Софье Алексеевне, было предано забвению. Некоторые изображали князя бесплодным мечтателем. Историк Александр Брикнер отметил: «Большая разница между намерениями Голицына и действительными результатами его управления делами представляется странным противоречием».

Однако раздавались и другие голоса. Администрация Софьи с Голицыным во главе получила высокую оценку искушенной в политике Екатерины II, отметившей, что правительство это имело все способности к управлению. И уж конечно, доро-

гого стоит характеристика ревностного приверженца Петра I князя Бориса Куракина, который еще в 1720-е годы не побоялся признать: «И все государство пришло во время ее (Софьи. — Л. Б.) правления, чрез семь лет, в цвет великого богатства. Также умножились коммерция и всякие ремесла, и науки почали быть восставлять латинского и греческого языку. Также и политес восстановлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польского — и в экипажах, и в домовом строении, и в уборах, и в столах... А правление внутреннее государства продолжалось во всяком порядке и правосудии, и умножилось народное благо». Высоко отозвался о князе Василии и фаворит царя Франц Яков Лефорт в письме к брату.

И друзья, и враги Голицына сходились в одном: это был исключительно талантливый государственный деятель, дипломат и реформатор. Такими, как известно, не рождаются, а становятся. И именно в раннем возрасте были заложены основы его будущих свершений. Василий родился в знатной семье и был потомком великого кня-

зя литовского Гедимины, чей род традиционно возводился к Рюрику. Уже в XV веке его предки служили московским государям, так что своей знатностью Голицыны вполне могли поспорить с самими Романовыми.

В девять лет Василий потерял отца. Стараниями матери – княгини Татьяны Ивановны, урожденной Стрешневой – он получил прекрасное домашнее образование. Благодаря происхождению и родственным связям юный князь в пятнадцать лет попал во дворец к царю Алексею Михайловичу. Он начал службу со скромного, но облеченного особым доверием царя чина стольника. Постепенно поднимаясь, он достиг в 1676 году боярского звания.

Во время царствования Федора Алексеевича Голицын стал заметным деятелем правительственного кружка, заведовал Пушкарским и Владимирским судными приказами, уже тогда выделяясь на фоне остальных бояр гуманностью, и, как говорили современники, «умом, учтивостью и великолепием». Именно ему, родовитому боярину, принадлежит инициатива по отмене местничества в России (12 января 1682 года): были преданы огню разрядные книги, причинявшие вред службе и сеявшие раздор между знатными семействами. Этим князь предвосхитил реформы Петра не только *de jure*, но и *de facto*, поскольку окружил себя помощниками вовсе не ро-

довитыми, вроде Леонтия Неплюева, Григория Касогова, Венедикта Змеева, Емельяна Украинцева, – иными словами, выдвигал людей по «годности», а не по «породе».

Но, пожалуй, наиболее впечатляющих успехов Голицын достиг в «книжечтении». В этом сказались и семейная традиция, и его собственная неукротимая жажда знаний. Иностранцы называли его любителем всякого рода наук, что было редким в России. Князь радел о введении образовательной системы в стране. Показательно, что именно при его деятельном участии была открыта в Москве Славяно-греко-латинская академия – первое в России высшее учебное заведение.

Однако во всю ширь дарования князя развернулись с 1682-го по 1689 годы, в период регентства сестры малолетнего Петра Софьи Алексеевны, при которой он фактически возглавил правительство России. С правительницей его связывали не только служебные отношения. Князь Борис Куракин отметил: «И тогда ж она, царевна София Алексеевна, по своей особой инклинации и амуру, князя Василия Васильевича Голицына назначила дворовым воеводою войски командировать и учинила его первым министром и судьбою Посольского приказу, который вошел в ту милость чрез амурные интриги. И почал быть фаворитом и первым министром

и был своею персоной изрядной, и ума великого, и любим от всех».

Утверждали, что князь сошелся с регентшей лишь ради выгоды, а вот Софья была в самом деле «страстно влюблена» в него. Думается, однако, что и Голицыным руководил не только голый расчет. Конечно, царевна не была красавицей, какой впоследствии изобразил ее Вольтер, знакомый лишь с ее портретами. Но не была она и толстой, угрюмой, малопривлекательной бабой, коей предстает она на знаменитой картине Ильи Репина. Царевна манила обаянием молодости (ей было тогда двадцать четыре года, князю — под сорок), бьющей через край жизненной энергией, острым умом, наконец — самой магией своего имени, которое придворные богословы и пииты прямо соотносили с божественной Премудростью. Итак, честолюбивый князь и властолюбивая царевна — Гедиминович Голицын и Софья Романова — взошли на вершину российской власти рука об руку.

Голицын строил широкие планы социально-политических реформ, думая о преобразовании всего государственного строя России. Он мыслил о разрушении крепостного права с наделением крестьян тем количеством земли, которым они пользовались. (Не заимствовал ли он эту мысль из государственной практики Швеции?) Историк Василий Ключевский с восхищением написал впослед-

ствии: «Подобные планы о разрешении крепостного вопроса стали возвращаться в русские государственные умы не раньше как полтора столетия спустя после Голицына».

Несомненной заслугой князя явилась финансовая реформа страны: вместо обилия налогов, лежавших тяжким бременем на населении, был введен один, и собирался он теперь с определенного количества дворов, то есть с конкретных лиц.

С именем Голицына связано и совершенствование военной мощи державы — увеличилось число полков «нового» и «иноземного» строя, стали формироваться рейтарские, драгунские, мушкетерские роты, которые служили по единому уставу и подчинялись одной программе. Князю приписывают постройку деревянных мостовых, а также трех тысяч каменных домов в Москве, в том числе зданий в Кремле, великолепных палат для присутственных мест. Но наиболее впечатляющим было строительство легендарного Каменного моста о двенадцати арках через Москву-реку. Это сооружение по тому времени казалось настолько дорогим, что даже вошло в поговорку: «Дороже Каменного моста». При Голицыне развилось книгопечатание — за семь лет вышли сорок четыре книги, что по тем временам было немало. Он выказал себя меценатом, покровителем первых русских профессиональных писателей — Симе-

она Полоцкого и Сильвестра Медведева (последний был в 1691 году казнен Петром I как сподвижник Софьи). Зародилась светская живопись (портреты-парсуны); нового уровня достигло иконописание; расцвело архитектурное направление, которое позднее получило название «голицынское барокко». Внес князь свою лепту и в дело гуманизации уголовного законодательства: были облегчены условия холопства за долги, отменены варварские обычаи казнить за «возмутительные слова» и закапывать в землю мужеубийц. Они – увы! – были возобновлены при Петре.

Свободное владение греческим, латинским, польским и немецким языками позволило Голицыну без труда общаться с иноземными дипломатами и деятелями культуры. Князь стяжал славу истого западника и сторонника католицизма (последним отличаясь от Петра, который тяготел к протестантизму).

Историки свидетельствуют, что ранее европейские державы считали Россию огромным варварским государством, которое можно использовать в коммерческих целях как путь на восток или в качестве пугала для врагов, – но никогда не рассматривали ее как цивилизованную страну. Своей неутомимой деятельностью Голицын разрушил этот стереотип. Именно в годы его управления страной на Русь буквально хлынул поток

европейцев. К примеру, гугеноты и иезуиты получили здесь убежище от конфессиональных преследований у себя на родине. При князе расцвела Немецкая слобода в Москве, где селились иностранные военные, лекари, ремесленники, переводчики, художники и др.; заработали две первые ткацкие фабрики. Голицын посещал дома своих знакомцев там (задолго до Петра), выступил с программой свободного въезда иностранцев в страну, намеревался ввести в России свободное вероисповедание, убеждал бояр посылать своих детей на учебу за границу. Московитам было разрешено приобретать за рубежом светские книги, предметы искусства, мебель, утварь, что сыграло заметную роль в культурной жизни общества.

Но более всего улучшению имиджа России способствовали труды Голицына на дипломатическом поприще, его официальные и частные контакты с иноземцами, приемы многочисленных делегаций, направление посольств в главные европейские державы – Париж, Мадрид, Лондон, Берлин, Копенгаген, Стокгольм, Варшаву. В апреле 1686 года был заключен долгожданный «вечный мир» с Речью Посполитой, по которому последняя отказалась от всей Малороссии с Киевом, Черниговом и другими пятьюдесятью пятью городами, – в результате Московское государство вступило в «концерт» европейских

стран. Умело вел князь и переговоры со Швецией, продлив действие Кардисского мирного договора 1661 года, и переговоры с китайцами, увенчавшиеся ратификацией Нерчинского договора 1689 года, установившего границу с Поднебесной по реке Амур и открывшего России путь к Тихому океану. В основном именно из-за этих успехов и прозвали Голицына Великим.

Дипломатические встречи и церемонии поражали гостей блеском и роскошью, продуманно демонстрировали им богатство и мощь России. В отличие от Петра, Голицын не заставлял иностранцев пить на приемах, да и сам не пил водки, находил удовольствие в беседах.

Князь стоял у истоков многих петровских нововведений в области моды. К ним относится ношение россиянами европейского платья, которое нельзя назвать новацией Петра I: уже царь Федор Алексеевич под непосредственным влиянием своей жены Агафьи Грушецкой и Голицына заменил стародавние долгополые московитские одежды польским и венгерским платьем. Все государственные чиновники должны были носить его и в старомосковском одеянии в Кремль и царский дворец не допускались. Рекомендовано было также брить бороды. Заметим – не приказано, как это сделал впоследствии Петр, а всего лишь рекомендовано, следовательно,

не носило обязательного характера, а потому не вызывало особых протестов и смут. «На Москве стали волосы стричь, бороды брить, сабли и польские кунтуши носить», – говорили современники. И одним из первых при дворе в польское платье облачился Голицын. Вот как описал его внешность Алексей Н. Толстой в романе «Петр Первый»: «Князь Василий Васильевич Голицын – писанный красавец, кудрявая бородка с проплезинкой, вздернутые усы, стрижен коротко – по-польски, в польском кунтуше и в мягких сапожках на крутых каблуках... Синие глаза блестели возбужденно».

Князь определенно был модником того времени. Он тщательно следил за собственной внешностью и прибегал к таким косметическим средствам, употребление которых мужчинам кажется смешным, – белился, румянился, холил разными специями свою небольшую светлую бороду и усы, остриженные по самой последней моде. Его часто можно было видеть в атласном бирюзового цвета кафтане на соболях, расшитом золотом и усыпанным жемчугом и драгоценными камнями. Гардероб князя был одним из самых богатых в Москве, включал в себя более ста костюмов из драгоценных тканей, украшенных алмазами, рубинами, изумрудами, затканых золотым и серебряным шитьем. Его боярская шапка из редкого «красно-

го» соболя стоила более десяти тысяч червонцев.

Поместительный каменный дом Голицына, расположенный в Белом городе древней столицы между Тверской улицей и Дмитровкой, иностранцы называли «восьмым чудом света», ибо он не уступал своим убранством лучшим дворцам Европы. Достаточно сказать, что длина здания составляла тридцать три сажени (более семидесяти метров), в нем было не менее двухсот дверей и оконных затворов. Рядом находился домовый храм Голицына, а во дворе стояли кареты, изготовленные в Польше, Голландии, Австрии и Германии.

В главной зале вместе с иконами висели портреты европейских и отечественных правителей, а также картины и гравюры на темы Священного писания. Потолки были украшены изображениями астрономических тел, планет, Солнца, знаков зодиака. Стены палат были обиты богатыми тканями и фабричными обоями, похожими на мрамор. Дом наполняла иностранная мебель: кровать с «птичьими ногами» (подарок Софьи), множество шкафов, буфетов, сундуков; клавикорды, а также термометр, барометр и диковинный «ящик-аптека, а в нем всякое лекарство». Все это отражалось в семидесяти пяти зеркалах. Некоторые окна были украшены витражами. В доме имелись ковры из Персии, фарфор из Венеции, гравю-

ры и часы из Германии. Крыша дома была медная и горела на солнце, как золотая. Любитель изящного, Голицын нередко устраивал здесь театральные действия, а иногда и сам выступал в роли актера. Хлебосольный хозяин, он щедро принимал в своем доме иноземцев, коих закидывал вопросами о современной политической жизни Европы.

Палаты и храм Голицына были варварски снесены в 1928 году – несмотря на то, что общественность во главе с академиком Игорем Грабарем выступила в журнале «Строительство Москвы» в их защиту, – а на их месте в 1932–1935 годах выросло бездарное здание Совета Труда и Оборона, спроектированное Александром Лангманом.

К концу 80-х годов XVII века князь Голицын получил в дар вотчину в подмосковном Медведкове с домом и каменной церковью Покрова Пресвятой Богородицы. Ранее этой вотчиной владел легендарный князь Дмитрий Пожарский, который во времена Смуты возглавил борьбу россиян с польскими интервентами. Подарив бывшее его владение Голицыну, Софья как бы сделала последнего преемником прославленного героя. Чтобы утвердить себя полноправным владельцем Медведкова, князь Василий заказал несколько новых колоколов со специальными надписями. Он также перестроил и бла-

гоустроил доставшийся ему дом в европейском вкусе.

Голицын не только заимствовал внешние атрибуты западной культуры (одежда, предметы быта), как это стали делать впоследствии щеголипетиметры с их откровенной галломанией. (Голицын как раз был одним из первых русских галломанов, и его упрекали, что даже сердце у него французское.) Он проникал в глубинные пласты французской – и шире – европейской цивилизации. Собрал одну из богатейших для своего времени библиотек, отличавшуюся разнообразием изданий на русском, французском, польском, латинском и немецком языках. В ней можно было найти «Киевский летописец» и «Алкоран», сочинения античных и европейских авторов, всевозможные грамматики, труды по истории и географии, а также некую переводную рукопись «О гражданском житии, или о поправлении всех дел, еже принадлежат обще народу». Большинство книг в его библиотеке было светского содержания.

Обладая широким кругозором и просвещенным умом, не боясь обращаться к «поганым» иноземным докторам и вообще к «басурманам» (от чего категорически предостерегала тогда православная церковь, в частности патриарх Иоаким), князь, однако, не мог освободиться от свойственной эпохе суевренности. Как-то сопрово-

ждавший его дворянин Бунаков в приступе падучей болезни взял горсть земли и завязал в платок. Голицын, заподозрив в Бунакове чародея, подумал, что тот якобы «вынимал след для его порчи», и повелел подвергнуть его пытке. Также при деятельном участии князя были сожжены заживо за ересь лжепророк из Немецкой слободы Квирин Кульман и единомышленник последнего Конрад Нордерман. Впоследствии апологеты Петра обвиняли Голицына в том, что он верил в колдовство и ведовство, – хотя и сам Петр в 1716 году включил в новый военный устав направленные против колдунов карательные меры.

В 1687 и 1689 годах Голицыну пришлось возглавлять два похода российской армии в Крым. Понимая всю сложность намеченного предприятия, он стремился уклониться от обязанностей главнокомандующего, но его недоброжелатели настояли на назначении. Их усилия увенчались успехом: обе крымские кампании оказались неудачными. Они не решили главной задачи – обеспечить выход России к Черному морю, были сопряжены с огромными людскими потерями, подорвали репутацию князя и, как заключили некоторые, лишили его Софьиных ласк: новым фаворитом царевны стал Федор Шакловитый, кстати, выдвигенец того же Голицына. Скорее всего, однако, увлечение царевны Шакловитым не

было связано с военными неудачами князя: царевна всегда встречала его войска как триумфаторов, щедро их награждала и никогда не признавала за ними поражения. Она даже присвоила Голицыну – впервые в российской истории – звание генерал-лиссимуса.

Его падение явилось неизбежным следствием низвержения регентства Софьи Алексеевны, заключенной сводным братом в Новодевичий монастырь. Хотя Василий Васильевич не принимал участия ни в борьбе за власть, которую вела царевна, ни в заговорах против Петра, ни в стрелецких бунтах, такой исход был предрешен. По воле нового царя в сентябре 1689 года Голицыну был вынесен приговор: его вина была в том, что докладывал дела державы царевне, а не Петру и Ивану, писал от их имени грамоты и печатал имя Софьи, словно монархини, в книгах без царского соизволения. Но главным пунктом обвинения были неудачные крымские походы князя, в результате которых казна понесла великие убытки. Последнее из обвинений носило тенденциозный характер: немилость царя за крымские поражения пала на одного Голицына, в то время как другой активный участник этих походов, гетман Иван Мазепа, был обласкан царем. Кроме того, известно, что ни сам Петр, ни его преемники так и не покорили Крым, – в состав Россий-

ской империи он был включен только в 1783 году.

И все-таки незаурядность князя Василия была видна всем. Возможно, ее признавал и Петр, который, несмотря на жгучую неприязнь к поверженному врагу, все же не предал его жестокой казни, как других клеветов Софьи. Не исключено также, что князя спасло и заступничество его двоюродного брата, Бориса Голицына, ревностного сподвижника царя. Хотя князь Василий был лишен боярства и имущества, ему была сохранена жизнь – он был сослан с семьей на Север: сначала в Каргополь, а затем в еще более отдаленное село – Холмогоры Пинежского уезда. В ссылке в крайней бедности Голицын прожил четверть века и скончался в апреле 1714 года. Он похоронен в Красногорско-Богородицком мужском монастыре.

Голицынская Русь была чревата реформами. Роды, однако, затянулись, и нетерпеливый «царь-плотник» применил для «кесарева сечения» топор. Петровские реформы во многом стали воплощением планов и идей «Василия Великого», но воплощением грубым, стремительным. В результате подобной петровской «перестройки» в землю лег каждый пятый россиянин – население империи сократилось с двадцати пяти до двадцати миллионов человек!

Говорят, история не имеет сослагательного наклонения. Однако мно-

гие историки впоследствии оценили планы Василия Голицына как гуманную альтернативу реформам Петра. Действительно, кто знает, окажись на месте «крутого» монарха «осторожный» Голицын, может быть, судьбы истории российской не были бы столь надрывными и кровавыми. Бешеный гений Петра вздернул Россию «на дыбы», не гнушаясь при этом кнутом

и дыбой. Реформы же Голицына были мирными, органичными и ненасильственными. Как сказал о нем один дипломат, «он хотел заселить пустыни, обогатить нищих, из дикарей сделать людей, превратить трусов в добрых солдат, хижины — в чертоги». И уже одна попытка претворить это желание в действительность оправдывает наречение Голицына именем Великий.